

УДК 008**Чудеса в фильмах якутской новой волны****Гришина Алина Владимировна**

Соискатель,
Всероссийский государственный университет кинематографии;
старший преподаватель,
Институт социальной инженерии,
Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина,
115035, Российская Федерация, Москва, ул. Садовническая, 33с1,
e-mail: murashkevich-av@rguk.ru

Аннотация

В статье рассматривается эстетическая категория «чудо» в фильмах якутских режиссеров Сергея Потапова, Любви Борисовой, Татьяны Эверстовой, Алексея Романова и др. Актуальность настоящего исследования обусловлена дискуссионным характером самого феномена нового якутского кино, которому в отечественной киноведческой литературе уделяется все больше внимания. Такие авторы как С. Анашкин, Е. Беликов, Е. Иванилова, В. Кочарян, Е. Романова и др. регулярно пишут рецензии и статьи, публикуют интервью, с пристальным вниманием исследуя работы якутских авторов. Обращаясь к якутскому фольклору, эпическим традициям олонхо и национальной мифологии, якутские кинематографисты формируют свое уникальное кинематографическое пространство, в котором чудо проявляется на всех этапах производства: начиная со съемок, заканчивая продвижением фильмов. В образной системе кинокартин чудеса гармонично вплетаются в ткань повествования, даже если сюжет фильма не имеет мифологической основы, что позволяет говорить о том, что одним из художественных методов в работе якутских режиссеров является магический реализм. Изучение якутского кино как феномена российского киноискусства невозможно без обращения к фольклорно-мифологическим и культурным источникам, поскольку особенности якутского фольклора, мировоззрения и эпические традиции олонхо заложили основу становления и развития художественной литературы и современной якутской культуры, в том числе театра и кино.

Для цитирования в научных исследованиях

Гришина А.В. Чудеса в фильмах якутской новой волны // Культура и цивилизация. 2024. Том 14. № 5А. С. 85-93.

Ключевые слова

Чудо, волшебство, миф, якутское кино, якутская новая волна.

Введение

Якутская новая волна – феномен отечественного кинематографа XXI века, объединивший в себе достижения десятков якутских кинематографистов, чьи фильмы получили признание на международных кинофестивалях в Европе и Азии, несмотря на тот факт, что расстояние от столицы региона до престижных российских киношкол составляет около пяти тысяч километров. Все то, чем характеризуется якутская новая волна (уникальность, самобытность, неформатность) в современном мировом кинопроцессе (в частности и в российском) определяется во многом представлением народа саха об организации окружающего мира, правилах поведения человека, его сущности и душе. Традиционная картина мира якута уходит своими корнями в богатую мифологию, во многом схожую с мифологией других народов Евразии. Мифы о сотворении и строении вселенной, о первопредках, о ритуальных празднествах и обрядах жизненного цикла представлены в национальном героическом эпосе Олонхо, насчитывающем более трехсот сказаний, имеющих устойчивую композиционную структуру и общих персонажей (богатыри Айыы, враги богатырей – абаасы, мифологические животные).

Любое мифологическое повествование сопровождается чудесными или волшебными событиями и магическими действиями, которые определяют быт и ритуальные действия человека в повседневной жизни – то, что мы называем традиционной культурой. Культура саха в полной мере отражает мифологическое сознание народа, для которого миф – это реальность. Это отчетливо видно, как только ты попадаешь в Якутию, рассматриваешь архитектуру, обращаешь внимание на названия районов, крупных досуговых центров или местной продукции.

Например, в аэропорту Якутска первым делом на себя обращает внимание коновязь (сэргэ). Это культовое сооружение (столб), связанное с почитанием лошади как одного из божеств Айыы (Дьесегей). Сам Якутск находится в долине Туймаада, а именно сюда: «в необозримую Туймааду на озеро Сайсары» [Алексеев, 1995, 41], согласно преданиям, в незапамятные времена прибыли с юга Омогой Баай и Эллэй Боотур (имеющие божественное происхождение), от которых произошли все якуты (ураанхай-саха). Название «Туймаада» носит торговый центр на улице Орджоникидзе, спортивный комплекс и стадион на улице Лермонтова в Якутске. Традиционный праздник Ысыах, который проводится каждый июнь в этой долине, когда-то впервые организовал Эллэй Боотур (культурный герой, работник вышеупомянутого Омогой Баая). Центром любого Ысыаха является коновязь, к которой привязывается белая лошадь. Продюсер, организатор и идейный вдохновитель Якутского киноклуба Саввина С.Р. в своей магистерской диссертации акцентирует внимание на том, что духовная культура народа саха всецело пронизана «конской» темой. «Лошадь как основа жизни, а, следовательно, центральный символ культуры всегда была важной составляющей всей религиозно-ритуальной системы народа саха» [Саввина, 2021, 16].

Чудо праздника Ысыах и его репрезентация в фильме С. Потапова «Бог Дьесегей» (2015)

По воззрениям якутов вселенная состоит из трех миров – Верхнего, Среднего и Нижнего. Верхний мир состоит из девяти ярусов и населен божествами Айыы. Срединный мир

принадлежит людям, которые являются прямыми потомками божеств Айыы. В Среднем мире находятся духи Иччи – в зависимости от поведения людей они либо помогают человеку, либо его наказывают. В Нижнем мире обитают злые духи, демоны Абаасы. Священный праздник Ысыах является средоточием Среднего мира в мировоззрении якутов. Здесь саха собираются для того, чтобы пообщаться с божествами и духами и попросить их благословения. Ысыах – это также ритуальная реконструкция мирового порядка, открывающая различные каналы связи между потусторонними мирами и живыми существами. Важным объединяющим элементом является коммуникация, поэтому для обеспечения мирного сосуществования необходимы повторяющиеся ритуалы жертвоприношения и взаимодействие со священными атрибутами, текстами и самой природой. Помимо ритуальной части, на празднике проводятся спортивные состязания, трапезы, хороводы. Все это сопровождается песнями – гимническими импровизациями и благопожеланиями. Кульминация праздника – встреча восходящего солнца, символизирующая начало новой жизни.

В фильме «Бог Дьэсегей» (2015) Сергея Потапова полностью передана атмосфера этого праздника, в центре которого – возрождение божества (айыы). Режиссеру удалось вложить в фильм задокументированную реальность современного Ысыаха и его художественную интерпретацию.

Главный герой фильма – молодой наивный парень Дьэсегей. Он пришел на праздник из далекой местности, словно герой мифа или легенды, потеряв по пути своего коня. Всего в течение одного дня празднования он обретет свою любовь, найдет коня, умрет и воскреснет вновь. Чудо воскрешения в фильме – констатация божественного происхождения героя, он – тот самый бог Дьэсегей, который спустился к людям на Ысыах (по якутским поверьям, в пору белых ночей священные божества верхнего мира (айыы) спускаются к людям на Ысыах). Правда, люди уже утратили в своей памяти смыслы, вложенные предками в священный праздник и способны осквернить его убийством. Как говорит режиссер фильма С. Потапов: «Я хотел показать людям, что мы забыли. Ысыах – это не настоящий Ысыах, это уже формальный праздник республиканского уровня, в котором нет ничего священного или религиозного. А настоящее и сакральное, что было Ысыахом уже ушло» [Красильникова, 2024, 113].

Чудеса в фильмах Любови Борисовой

Особый интерес в исследовании чуда в современном кинематографе Якутии представляют фильмы Любови Борисовой. Любовь Борисова – кинематографист-универсал, не имея специального образования в сфере кино, она с 2011 года участвовала на разных позициях в производстве более двадцати картин, благодаря чему накопила богатый опыт работы в индустрии. Дебютной режиссерской работой стал фильм «Надо мною солнце не садится» (2019), съемки фильма проходили в течение месяца за полярным кругом на побережье моря Лаптевых. Традиционно для якутского кино в фильме снимались местные жители.

В картине основной конфликт разворачивается между архаичными ценностями естества и искусственным культом потребления, разрешение которого оказывается неожиданным: конкурентная цифровая среда дает возможность для реализации фантазий и детской мечты. Седовласый старик Байбал – олицетворение глубокой бытийной морали и мудрости, до своих последних дней не теряет надежды найти много лет назад пропавшую дочь. Юный вайнер (видеограф, создатель контента для социальных сетей и YouTube канала прим. авт.) Айтан,

который подрабатывает на звероферме, после знакомства со стариком загорается идеей помочь ему и запускает перспективный канал для поиска его дочери, параллельно воплощая в жизнь детские мечты Байбала.

Мечты Байбала предельно земные и человеческие: найти дочь, поесть оладьи и утиный суп, стать летчиком. Айтан же вроде бы мечтает о больших деньгах, спортивных машинах, головокружительной карьере блогера, но по мере сближения с Байбалом все его непостижимые синтетические желания становятся пестрым фоном, а выкристаллизовывается одно по-настоящему глубокое, а потому истинное – желание помириться с отцом. Оба героя воплощают их в действительное, и сам процесс реализации мечты становится настоящим чудом. Чудо происходит, когда герои достают яйца из гнезда дикой птицы для оладьев, когда охотятся на утку, когда взлетают на самодельном летательном аппарате. Волшебство в этом фильме – это сочувствие, соучастие и бескорытность, искреннее добро. Цифровые технологии в этом фильме превращаются не в средство для достижения капиталистического счастья, а волшебным инструментом, сближающей силой, благодаря которой можно установить глубокую духовную связь. В кульминационной сцене фильма герои парят над побережьем моря Лаптевых, наблюдая великолепие природного ландшафта. Зритель проживает вместе с ними чудесные минуты единства двух поколений, духовного единства человека и окружающего мира.

Второй полнометражный фильм Любви Борисовой тоже полон чудес как в эстетическом плане, так и в производственном. Картина «Не хороните меня без Ивана» (2022) стала объектом обсуждения в моем интервью с режиссером, в котором она поделилась со мной историей, случившейся во время съемок этого фильма.

Летом 2020 года в Якутии бушевала серия лесных пожаров, вследствие чего большая часть территории республики была в плотном дыму. Художники, отправившись на локацию, сообщили Любви о том, что видимость минимальная, дышать нечем, но на свой страх и риск режиссер продолжила съемки, обратившись к помощи духов и совершив необходимые обряды. В первую же смену пошел проливной дождь, после которого дым исчез там, где находилась съемочная группа. Другая локация – снова дождь и дыма нет. Подобные явления воспринимаются якутами как дарованное свыше благо, которому они искренне рады и всегда ему благодарны.

Вообще, в Якутии ни одни съемки не обходятся без обрядов, благопожеланий и обращения к духам-хозяевам местности. Кинематографисты просят у них позволения и благословения, в чем выражается бережное и деликатное отношение якутов к природной среде и окружающему миру. Кинематографисты внимательно следят за содержанием каждой сцены, произносимыми репликами, которые также, согласно верованиям, имеют собственную энергию и силу. Поэтому подобные примеры с неподдающимися рациональным объяснениям событиями есть у каждого якутского режиссера.

Шаман – проводник в мир чуда

Обрядовая культура и шаманские практики у саха – это не «фокусы» для неискушенных зрителей, но необходимые условия для благополучного существования якута в мире, полном опасностей. Очевидно, что главной опасностью является холод, экстремально низкая температура зимой, но якута также окружают разнообразные демоны, злые духи, призраки. Они могут обмануть человека, ввести в заблуждение, украсть душу, что приведет к тяжелым

болезням и трагическим последствиям. В рамках мифологического сознания шаман является медиумом, который способен установить контакт с представителями других миров и помочь разрешить конфликт, возникший между человеком и природой или дать совет обратившемуся к нему человеку. В якутской культуре шаман – избранник духов высшего порядка, он чудесное существо и проводник в мир чуда. Он хранит священное знание, он может разрушить зло, воскресить мертвых, улучшить качество жизни, предсказать будущее.

В фильмах многих якутских режиссеров обнаруживается образ шамана, и у каждого из авторов этот образ имеет глубокое семантическое наполнение. В фильме Эдуарда Новикова «Царь-птица» (2018) шаман олицетворяет культ предков, он облачен в традиционный костюм, в его камлании – чудесное таинство. Шаман раскрывает причины напастей, он напоминает главному герою о прегрешении и обозначает путь к искуплению. В фильме подчеркивается почтенное отношение к шаману как к фигуре, способной защитить человека от несчастий и направить его на верный путь. Совершенно другой ракурс у Дмитрия Давыдова, в его картине «Пугало» (2020) шаманка – маргинал, она угнетаема и презираема односельчанами, поскольку ведет отшельнический образ жизни, страдает от алкоголизма. Однако ее алкоголизм – это акт самопомощи, попытка «залечить» свои раны, поскольку каждый раз она жертвует собой, чтобы помочь обратившимся к ней людям в исцелении от недугов. Образ шаманки в фильме Михаила Лукачевского «Белый день» (2013) носит характер загадочности, могущества и пророческой мудрости. Она – олицетворение духа, хозяйка местности, способна воскресить из мертвых и даровать новую жизнь, в ее устах – заветы предков. В фильме «Весенняя пора. Детство, которое мы не знали» (2017) Алексея Романова шаман предстает отрицательным героем, которому противопоставляется мудрый и справедливый лекарь как представитель интеллигенции. Фильм является экранизацией романа Н. Мординова «Сааскы кэм» («Весенняя пора»), действие которого разворачивается в 1917 году, и отражает существующую по сей день религиозную и культурную амбивалентность в Якутии. Это может быть сочетание атеизма и шаманизма или язычества и христианства. В уже упомянутых фильмах Л. Борисовой «Не хороните меня без Ивана» и Э. Новикова «Царь-птица» эта тема является одной из ведущих.

Более тонкое и личное, даже интимное обращение человека к потусторонним силам вне шаманизма наблюдается в фильмах Татьяны Эверстовой («Его дочь», 2016 и «Замыкание», 2021). Ее героиня – альтер-эго режиссера, девочка Таня, которая чувствует присутствие души умершего отца во всех явлениях природы: в игре солнечных лучей на траве, в легком дуновении ветра, в грозовых тучах и ливне. Отец умер еще до ее рождения, но он незримо был с ней всегда. Когда Таня чувствовала, что материальный мир ее не понимал, ее духовная связь с отцом становилась для ребенка отдушиной и внутренней опорой. Отец-хранитель оберегал ее, защищал и предостерегал. Когда Таня, в состоянии полного отчаяния и безысходности, желая всеми силами помочь матери, готова была совершить тяжкое преступление, дух отца не допустил этого. Зло, пробудившееся в подростковом возрасте, было повержено любовью и раскаянием.

«Темные» чудеса и потусторонние сущности

В якутском фольклоре потустороннее зло, в отличие от добрых начал, чаще всего не персонифицировано. Сущности, которые несут в себе темные силы или зло описываются как странные существа, призраки, тени. При их появлении меняется атмосфера, привычное течение жизни нарушается, человек испытывает тревогу, страх, впадает в измененное состояние

сознания.

В мистических сюжетах обязательным элементом повествования являются одинокие путники, которых внезапно застала врасплох темнота, снег или дождь, болезнь. Они оказываются в темном лесу, в заброшенных хижинах, где могут стать жертвами злых духов. Именно в дороге, в пограничном пространстве, наполненном в культуре народа особой смысловой и концептуальной нагрузкой, активно функционируют субъекты лиминальной реальности – дэриэтинньик-оборотни (демоны-пожиратели), уер-призраки (неупокоенные души), преимущественно выступающие в образах красивых одиноких женщин, ужасающих, но очень привлекательных. С ними связаны дорожные байки-страшилки о погибших или чудом избежавших смерти путниках, которые поддались соблазну женщин-призраков: их харизма и красота, теплый очаг и гостеприимство исчезают в мгновение ока, оставляя только ужас, холод и пустоту. Такие сюжетные элементы можно найти в фильмах «Наахара» (2007) М. Калининой и «Нечисть» (2016) Е. Осипова и С. Бурнашева. Сюжеты и мотивы тубэлтэ (короткие истории из жизни, произошедшие с рассказчиком или с кем-то из его знакомых, носят мистический характер и тяготеют к правдоподобию), как отмечает режиссер и сценарист Костас Марсан (его фильм «Иччи», 2020 – якутский хоррор, в сюжетной основе которого лежат фольклорные мотивы), стали источником вдохновения сначала для якутских писателей, а потом и для кинематографистов, пробудив интерес якутского зрителя к местному кино [Марсан, 2024, 121].

Но бывает и так, что потусторонние существа могут быть и менее опасны, чем другой человек. Прекрасным примером является короткометражный фильм А. Романова «Мааппа» 1986 года. Хотя фильм был снят на Свердловской киностудии, можно увидеть стилистические элементы фильмов саха, созданных позже, в Якутии, в 1990-х годах. Картина посвящена судьбе путника (Ылдьаа), который холодной якутской зимой заблудился в дикой местности. Внезапно, почти замерзший, он оказывается перед березой, он просит у нее о помощи, и дерево указывает ему дорогу к ближайшему поселению. Ылдьаа входит в балаган, традиционный дом саха, и встречает Мааппу, красивую молодую девушку. Прекрасная юная дева исцеляет его и помогает ему восстановить силы. Через некоторое время Ылдьаа влюбляется в Мааппу и женится на ней. Только после свадьбы Мааппа раскрывает правду о своем одиночестве: это дом ее семьи, но ее родители умерли, оставив ее здесь сиротой [Mészáros, 2022].

Что более интересно, с точки зрения отношений между людьми и духами, Мааппа говорит, что соседние саха не хотели с ней контактировать, и всякий раз, когда она приближалась к ним, ее прогоняли. Позже Мааппа объясняет юноше, что она тоже мертва, и на самом деле это ее дух, с которым он жил. Она просит его похоронить ее до того, как он покинет поселение. Хотя Ылдьаа и озадачен таким неожиданным развитием событий, он принимает дух Мааппы и выполняет ее просьбу. В заключительной сцене фильма мы снова видим юношу странником, который отправляется в путь, проходя мимо священного дерева, покидая поселение, где он встретил Мааппу.

Фильм не только показывает, насколько проницаема и неопределенна граница между духами и людьми, но и что вполне возможно общение, совместная жизнь, более того, вступление в брак с духом умершего человека. Фильм также транслирует идею о том, что потусторонние благосклонны по отношению к тем, кто относится к ним с уважением. В отличие от жителей соседних поселений, которые вероятно видели в Мааппе преследующего их злого духа, герой обрел в ней любовь и сострадание. Несмотря на то, что Ылдьаа обескуражило

признание Мааппы в том, что она дух, он не убегает от нее в ужасе. Наоборот, он понимает, что последнюю в семье Мааппу следует похоронить рядом с ее родителями, чтобы помочь ей покинуть Срединный мир. Тем не менее, с того момента, когда полузамерзший Ылд'аа просит священное дерево о помощи, и до того момента, когда он уходит в конце фильма, зритель остается неуверенным в том, реальны события или нет. И все же очевидно, что для главного героя общение с неземными сущностями абсолютно естественно. В понимании Ылд'аа, дух представляет собой не радикального «инога», а такого же саха, воплощенного в неупокоенном духе.

Заключение

Изучение якутского кино как феномена российского киноискусства невозможно без обращения к фольклорно-мифологическим и культурным источникам, поскольку особенности якутского фольклора, мировоззрения и эпические традиции олонхо заложили основу становления и развития художественной литературы и современной якутской культуры, в том числе театра и кино. Выражаясь словами Алексея Федоровича Лосева, миф для якутов – это необходимая категория мысли и жизни, в котором нет ничего случайного, ненужного, выдуманного или фантастического, это подлинная реальность и чудо [Лосев, 2022, 56]. Тезис философа, в котором он утверждает, что чудо не есть нарушение законов природы, рассматривается как ключ к пониманию философии и мировоззрения саха. В фильмах якутской новой волны эстетическая категория «чудо» представлена в работах многих режиссеров, она раскрывает картину мира якутских авторов и всего народа, в ней отражена идеология мирного и гармоничного сосуществования человека и природы. Подводя итоги, можно констатировать, что чудеса в якутской картине мира естественны и закономерны, они подчиняются логике магического реализма, в котором нет ничего противоестественного или невозможного.

Библиография

1. Алексеев Н.А. (сост.) Предания, легенды и мифы саха (якутов). Новосибирск, 1995. 400 с.
2. Анашкин С. Жить, чтобы жить: три с половиной фильма Дмитрия Давыдова. URL: <https://kinoart.ru/texts/zhit-chtoby-zhit-tri-s-polovinoj-filma-dmitriya-davydova>
3. Беликов Е. Жив, цел, орел: вышел якутский фильм «Царь-птица» о том, что природа сильнее человека. URL: <https://kinoart.ru/reviews/zhiv-tsel-orel-vyshel-yakutskiy-film-tsar-ptitsa-o-tom-chto-priroda-silnee-cheloveka>
4. Иванилова Е. Татьяна Эверстова: «Мы все – части мирового оркестра». URL: <https://kinoart.ru/interviews/my-vse-chasti-mirovogo-orkestra>
5. Кочарян В. Якутское кино. Путь самоопределения. М., 2024. 208 с.
6. Красильникова Г. Ретроспектива якутского режиссера Сергея Потапова. О театре и кино. Якутское кино. Путь самоопределения. М., 2024. С. 97-117.
7. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М., 2022. 695 с.
8. Марсан К. Мерцающий ужас – миф, морок, мистерия. Якутское кино. Путь самоопределения. М., 2024. С. 119-132.
9. Романова Е. Окно Земли. Мифопоэтический хронотоп якутской визуальности // Искусство кино. 2021. № 1/2. С. 38-45.
10. Саввина С.Р. Феномен якутского кино: культурные предпосылки, причины взлета и перспективы развития. Якутск, 2021. 103 с.
11. Mészáros C. The Middle World of Film: Ontological Poetics, Live Landscapes, and Sentient Beings in the Language of Movies. 2022. URL: <http://real.mtak.hu/id/eprint/160245>

Miracles in the Yakut new wave films

Alina V. Grishina

Applicant,
All-Russian State University of Cinematography;
Senior Lecturer,
Institute of Social Engineering,
Kosygin Russian State University,
115035, 1, 33, Sadovnicheskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: murashkevich-av@rguk.ru

Abstract

The article examines the aesthetic category of “miracle” in the films of Yakut directors Sergei Potapov, Lyubov Borisova, Tatiana Everstvova, Alexei Romanov and others. The relevance of this study is due to the controversial nature of the phenomenon of the new Yakut cinema, which is receiving more and more attention in the Russian film studies literature. Authors such as S. Anashkin, E. Belikov, E. Ivanilova, V. Kocharyan, E. Romanova, etc. regularly write reviews and articles, publish interviews, and study the works of Yakut authors with close attention. Turning to Yakut folklore, the epic traditions of olonkho and national mythology, Yakut filmmakers form their own unique cinematic space, in which the miracle manifests itself at all stages of production: from filming to film promotion. In the figurative system of the films, miracles are harmoniously woven into the fabric of the narrative, even if the plot of the film has no mythological basis, which allows us to say that one of the artistic methods in the work of Yakut filmmakers is magic realism. The study of Yakut cinema as a phenomenon of Russian cinematography is impossible without turning to folklore, mythological and cultural sources, since the features of Yakut folklore, worldview and epic traditions of olonkho laid the foundation for the formation and development of fiction and modern Yakut culture, including theater and cinema.

For citation

Grishina A.V. (2024) Chudesa v fil'makh yakutskoi novoi volny [Miracles in the Yakut new wave films]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 14 (5A), pp. 85-93.

Keywords

Miracle, magic, myth, Yakut cinema, the Yakut New Wave.

References

1. Alekseev N.A. (comp.) (1995) *Predaniya, legendy i mify sakha (yakutov)* [Sakha (Yakut) Traditions, Legends, and Myths]. Novosibirsk.
2. Anashkin S. *Zhit', chtoby zhit': tri s polovinoi fil'ma Dmitriya Davydova* [Live to Live: Three and a Half Films by Dmitry Davydov]. Available at: <https://kinoart.ru/texts/zhit-chtoby-zhit-tri-s-polovinoi-filma-dmitriya-davydova> [Accessed 04/04/2024]
3. Belikov E. *Zhiv, tsel, orel: vyshel yakutskii fil'm «Tsar'-ptitsa» o tom, chto priroda sil'nee cheloveka* [Alive, Safe, Eagle: Yakut Film "Tsar-Bird" About Nature Being Stronger Than Man Has Been Released]. Available at: <https://kinoart.ru/reviews/zhiv-tsel-orel-vyshel-yakutskiy-film-tsar-ptitsa-o-tom-cto-priroda-silnee-cheloveka> [Accessed 04/04/2024]

4. Ivanilova E. *Tat'yana Everstova: «My vse – chasti mirovogo orkestra»* [Tatyana Everstova: "We Are All Parts of a World Orchestra"]. Available at: <https://kinoart.ru/interviews/my-vse-chasti-mirovogo-orkestra> [Accessed 04/04/2024]
5. Kocharyan V. (2024) *Yakutskoe kino. Put' samoopredeleniya* [Yakut cinema. The path of self-determination]. Moscow.
6. Krasil'nikova G. (2024) *Retrospektiva yakutskogo rezhissera Sergeya Potapova. O teatre i kino. Yakutskoe kino. Put' samoopredeleniya* [Retrospective of the Yakut director Sergei Potapov. About theater and cinema. Yakut cinema. The path of self-determination]. Moscow.
7. Losev A.F. (2022) *Dialektika mifa. Dopolnenie k «Dialektike mifa»* [Dialectics of myth. Addition to "Dialectics of Myth"]. Moscow.
8. Marsan K. (2024) *Mertsayushchii uzhas – mif, morok, misteriya. Yakutskoe kino. Put' samoopredeleniya* [Flickering horror – myth, darkness, mystery. Yakut cinema. The path of self-determination]. Moscow.
9. Mészáros C. (2022) *The Middle World of Film: Ontological Poetics, Live Landscapes, and Sentient Beings in the Language of Movies*. Available at: <http://real.mtak.hu/id/eprint/160245> [Accessed 04/04/2024]
10. Romanova E. (2021) Okno Zemli. Mifopoeticheskii khronotop yakutskoi vizual'nosti [Window of the Earth. Mythopoetic chronotope of Yakut visuality]. *Iskusstvo kino* [Art of cinema], 1/2, pp. 38-45.
11. Savvina S.R. (2021) *Fenomen yakutskogo kino: kul'turnye predposylki, prichiny vzleta i perspektivy razvitiya* [Phenomenon of Yakut cinema: cultural prerequisites, reasons for rise and development prospects]. Yakutsk.